

УДК 94(430)+94(47)

ОБ УЧРЕЖДЕНИИ И НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОВЕТСКОГО КОНСУЛЬСТВА В КЁНИГСБЕРГЕ (1923–1925)

Ю. В. Костяшов*

Анализируются причины возобновления дипломатических отношений России и Германии после Первой мировой войны и принципиальные отличия в деятельности прежних русских императорских и советских консульских учреждений в Восточной Пруссии. На основании неизвестных ранее документов из центральных российских архивов и Политического архива МИД Германии рассказывается об учреждении в 1923 г. советского консульства в Кёнигсберге и деятельности первого консула СССР в Восточной Пруссии Юлиана Бошковича в 1923–1925 гг. по развитию двухсторонних связей. Рассматриваются непростые политические условия, в которых приходилось действовать советским дипломатам в Германии. Делается вывод, что главные направления в деятельности консула Ю. С. Бошковича касались подготовки к открытию отделения торгового представительства СССР в Кёнигсберге и обеспечения широкого представительства советских внешне-торговых объединений на Восточной ярмарке.

Ключевые слова: Восточная Пруссия, Кенигсберг, консульство, Ю. С. Бошкович, история дипломатии, советско-германские отношения, Восточная ярмарка.

Русское консульство в Кёнигсберге было открыто по указу Екатерины II в 1873 г. В течение XIX в. его статус повысился до ранга генерального консульства. Согласно уставам 1820, 1858 и 1902 гг. консулы не являлись дипломатическими представителями и на них

* Балтийский федеральный университет им. И. Канта.
236041, Россия, Калининград,
ул. А. Невского, 14.

Поступила в редакцию 27.01.2012 г.

не распространялось право экстерриториальности. Они должны были «заботиться о выгодах российской торговли и мореплавания» и «блюсти, чтобы честь русского имени была всегда поддерживаема»; консулы также урегулировали споры между находящимися за границей российскими подданными, выписывали свидетельства о рождении, браке, смерти, выдавали паспорта и визы, снабжали свое правительство разнообразной экономической информацией [1—5]. С началом Первой мировой войны консульство в Восточной Пруссии прекратило свое существование [6].

Советские консульства стали принципиально иным институтом по сравнению с дореволюционными временами. Основы их работы были определены инструкцией НКВД, утвержденной в 1921 г., и Консульским уставом СССР 1926 г. В противоположность аналогичному царскому уставу консулы в значительной мере утрачивали свою главную функцию торгового посредника и информатора о состоянии рынка и становились органом надзора за командированными за границу советскими гражданами, должны были следить за тем, чтобы они вели себя «в соответствии с требованиями советской политики». Каждый обладатель «серпастого и молоткастого» должен был зарегистрироваться в консульстве, о каждом прибывшем и убывшем надо было доносить в Москву и копию донесения отправлять послу в Берлине. Совместно с послом консул должен был «предпринимать нужные меры» (какие — не уточнялось), если поведение советского гражданина выходило за рамки курса партии. Главная заповедь консула — помнить, что он «представляет власть рабочих и крестьян». Из этого классового подхода следовало, что консулу категорически запрещалось устанавливать близкие или неформальные отношения с «местными буржуазными кругами». Наконец, еще одним нововведением была обязанность консулов «принимать и передавать в НКВД заявления от рабочих и лиц трудящегося класса», желающих выехать в страну Советов. По сути, консульство должно было вести скрытую вербовку специалистов и квалифицированной рабочей силы [7—9].

Дипломатические отношения России и Германии, восстановленные после заключения Брестского мира, были вновь прерваны немецкой стороной в октябре 1918 г. — как ответ на попытку ВЦИК оказать «революционную помощь» германскому рабочему классу. Однако разрыв оказался непродолжительным. Об этом в 1922 г. писал советский публицист Д. Триус: «Германия, все более сгибаясь под тяжестью Версальского договора, все чаще начинала обращать свои взоры на Восток, где необъятная земледельческая Россия ждала хозяйственного сотрудничества с промышленной и технически развитой страной. Чем больше в кругах германской общественности тускнели надежды на Антанту, тем трезвее эти круги подходили к вопросу о мирном сотрудничестве с богатой сырьем Россией» [10, с. 24].

Вновь благоприятные условия для восстановления двусторонних связей появились после заключения 16 апреля 1922 г. Рапальского договора, ст. 3 которого гласила: «Дипломатические и консульские отно-

шения между Германией и РСФСР немедленно возобновляются. Допущение консулов той и другой стороны будет урегулировано специальным соглашением» [11, с. 224]. «Нигде Рапалльский договор не был встречен с большим восторгом, чем в Восточной Пруссии, — писала газета «Франкфуртер Цайтунг». — Хотя между Германией и Россией не существует более непосредственной границы, тем не менее вся будущность восточно-прусской торговли зависит от возобновления экономических отношений между государствами»¹ [12].

Еще до завершения переговоров 2 февраля 1922 г. руководство Торговой палаты в Кёнигсберге направило в МИД Германии письмо, в котором, ссылаясь на ставшее ему известным намерение советского правительства открыть в Германии ряд консульств, выступило со следующим ходатайством: «Кёнигсберг уже в предвоенное время имел большой торговый оборот с Россией и был значительным пунктом транзитной торговли на восточном побережье Балтийского моря. Экономические перспективы Кенигсберга вследствие [Версальского] мирного договора существенно ухудшились, так как конкурирующие с ним бывшие немецкие порты Данциг и Мемель теперь оказались за границей. Если не удастся восстановить прежние контакты с Россией, это будет угрожать положению Кенигсберга, а вместе с тем и всей германской морской торговле, которая бы потеряла важную базу для овладения русским рынком. Поэтому мы настоятельно просим о том, что если в Германии вообще откроются советские консульства, в первую очередь следует рекомендовать открыть такое консульство в Кёнигсберге» [13, Nr. IE 1375]².

В ответе от 24 февраля 1922 г. на это обращение, подписанном одним из представителей видной династии прусских дипломатов Мальтхан (Maltchan), говорилось, что МИД Германии «полностью поддерживает правомерное пожелание Торговой палаты» и, как только начнутся переговоры о взаимном учреждении консульств, будет рекомендовать открыть таковое в Кёнигсберге. Далее в письме говорилось, что на предварительных консультациях речь шла только об открытии отдела советского представительства в Гамбурге, так как «по информации русских, 90 % их торговли приходится на этот порт» [13, Nr. IE 1375].

Переговоры о взаимном открытии консульств затянулись на целый год. Похоже, это случилось по вине немцев, которые опасались слишком тесных контактов с революционной Россией. Наконец, весной 1923 г. дело сдвинулось с места: 15 марта МИД Германии запросил согласие прусского Министерства торговли и предпринимательства на открытие консульства в Кёнигсберге, обосновывая это намерение стремлением способствовать привлекательности и успешной деятельности недавно учрежденной Восточной ярмарки [13, Nr. IE 1294]. Из ответа секретаря канцелярии от 16 марта следовало, что никаких возражений с экономической точки зрения Министерство торговли не

¹ Здесь и далее перевод с немецкого автора статьи.

² Для идентификации дел указывается универсальный шестизначный номер. Поскольку нумерация листов в делах отсутствует, в ссылках проставляется также входящий/исходящий номер документа.

имеет, однако по поводу внутривластной ситуации был сделан запрос министру внутренних дел [13, №. IE 1356]. В ответе государственного секретаря МВД Пруссии Фридриха Майстера от 31 марта говорилось: «Принимая во внимание необходимость проявлять заботу о связях с Россией и экономических нуждах Восточной Пруссии, я хотел бы оставить в стороне существующие соображения, связанные с внутривластной ситуацией, и согласиться с открытием русского консульского представительства в Кёнигсберге при условии взаимности» [13, №. IE 1638].

Учреждение консульства в Кёнигсберге ознаменовалось серьезным конфликтом в руководстве НКВД СССР вокруг кандидата на эту должность. Данный вопрос трижды рассматривался на заседании Оргбюро ЦК партии и дважды на заседаниях Политбюро. Первоначально — по предложению полномочного представителя СССР в Берлине В. Коопа — 18 сентября 1923 г. Политбюро утвердило консулом В. Н. Рембелинского [14, д. 381, л. 4]. Это решение опротестовал нарком Г. В. Чичерин на заседании Политбюро 18 октября [14, д. 388, л. 1]. Наконец, после долгих согласований 1 ноября консулом был назначен тов. Ю. С. Бошкovich [15, с. 251].

Оживленная борьба за место консула объяснялась довольно прозаическими причинами. В условиях Гражданской войны и послевоенной разрухи работа за границей, должность совслужащего за рубежом была главной синекурой в Стране Советов. За границу отъезжали бывшие революционеры, политзаключенные, партийные функционеры, а также их родственники, друзья и знакомые, создавая в этой сфере немалую конкуренцию. И хотя вакансий с каждым годом становилось все больше, мест всем желающим не хватало. Кстати, в те годы в европейских странах работало несколько тысяч командированных из СССР служащих. Численность сотрудников одного только торгпредства в Берлине составляла в 1920-е гг. более 500 человек! К этому нужно добавить различные внешнеторговые объединения и смешанные общества с их многочисленными штатами. Все эти люди получали большие по тем временам зарплаты. Так, жалование консула в Кёнигсберге в середине 1920-х гг. составляло огромную по тем временам сумму в 165 долларов США в месяц, а секретарь и машинистка получали от 100 до 120 долларов [16, с. 11].

Восьмого ноября 1923 г. Наркомат иностранных дел СССР сообщил германскому послу в Москве о назначении консулом в Кёнигсберг Юлиана Семеновича Бошкovichа, который «намеревается в ближайшее время занять свой пост» [13, №. E 5500]; 17 ноября полномочное представительство СССР в Берлине передало МИД Германии консульский патент Ю. С. Бошкovichа с просьбой выдать ему экзекватуру³. Одновременно сообщались биографические данные назначенного консула: «Доктор медицины Бошкovich родился в 1891 г. и в последнее время был уполномоченным представителем Украинской Советской Соци-

³ Консульская экзекватура (от лат. *exsequor* — выполняю) — разрешение государства пребывания, выдаваемое через МИД, на реализацию консульских функций (в пределах консульского округа).

листоческой Республики по делам иностранных организаций, которые во время последнего голода на Украине занимались акциями помощи» [13, Нг. Е 5585]. Германский рейхскомиссар по контролю за общественным порядком дал согласие на экзекватуру, добавив в письме в МИД от 23 ноября, что ему «не известно ничего неблагоприятного в политическом отношении о русском государственном служащем Бошковиче» [13, Нг. Е 5735]. Аналогичное согласие было получено от министра торговли и предпринимательства [13, Нг. Е 6084].

В МИД поступила также записка обер-президента Восточной Пруссии Эрнста Зира от 10 декабря, в которой он поделился впечатлениями о первой встрече с консулом:

Консул Юлиан Бошкович 28 ноября с. г. представился мне и передал прилагаемые письма от господ Крестинского⁴ и Пепера. Он сообщил, что недавно прибыл из Москвы в Берлин и что ранее много времени проводил за границей, а в последнее время в качестве представителя советского правительства сотрудничал с американскими организациями помощи, действующими под эгидой Красного Креста. Консул более или менее хорошо говорит по-немецки и вызывает симпатию. Как мне конфиденциально сообщил консул Вигандт, директор Комитета Кенигсбергской ярмарки, он активно выступает за то, чтобы содействовать и развивать экономические связи между Германией и Россией. Консул Вигандт убежден, что г-н Бошкович не является приверженцем коммунистической партии. Возможно, что коммунистом является секретарь консула. За короткое время пребывания здесь г-н Бошкович показал себя как человек, очень заинтересованный в выполнении поставленных перед ним задач. Он почти ежедневно ходит в Комитет Восточной ярмарки, чтобы получить новую информацию. Если суммировать мои впечатления, то могу предположить, что нет серьезных оснований сомневаться в характере его деятельности [13, Нг. Е 6079].

Еще через полтора месяца, 23 января 1924 г., Э. Зир направил секретное письмо министру торговли и предпринимательства с информацией о деятельности консула Бошковича, поступившей от осведомителей криминальной полиции. В донесении говорилось, что советского представителя «посещают много разных людей, главным образом евреев и безработных из числа рабочих. Бошкович вроде бы занимается подготовкой желающих к переезду в его страну и обещает рабочим переселить их в Советскую Россию... У него записалось уже 50 человек». Осведомители сообщили также, что «к консулу постоянно приходит и задерживается у него еще один большевистский еврей, имя которого нашему доверенному лицу до сих пор разузнать не удалось». В заключение донесения полицейский чиновник посетовал, что организовать «эффективное наблюдение за большевистским консулом Бошковичем невозможно из-за нехватки средств для оплаты наших доверенных лиц» [13, Нг. Е 731].

Консульство планировалось открыть 1 февраля, однако подозрительная для немецких властей деятельность советских «вербовщиков» привела к тому, что экзекватура для Бошковича была выдана только

⁴ Н. Н. Крестинский — советский полпред в Германии в 1921—1930 гг.

19 февраля [13, Nr. E 1456]. Немного позднее все подозрения с советского консула были сняты. Обер-президент Зир 12 мая 1924 г. направил в МИД письмо, в котором говорилось:

По единодушному мнению президента полиции и управления земельной криминальной полиции в Кенигсберге, вредной для Германии пропаганды со стороны консула и его сотрудников замечено не было. Вскоре после открытия консульства обратила на себя внимание его деятельность по вербовке немецких граждан для переселения в Россию. Но так как речь шла главным образом о фермерах с некоторым капиталом, нет оснований полагать, что к этой вербовке каким-либо образом причастна коммунистическая партия как таковая. Во всяком случае консульство действовало в вопросах эмиграции и переселения как информационное и посредническое агентство. Претенденты на переселение были предупреждены нашими компетентными учреждениями, что в случае эмиграции безопасность их пребывания в России никем гарантироваться не будет. До настоящего времени никто не эмигрировал [13, Nr. OP 3678].

Начало работы консульства ознаменовалось одним неприятным инцидентом, о котором обер-президент Восточной Пруссии проинформировал министра внутренних дел 14 апреля 1924 г.:

Находящийся здесь русский консул сообщил мне 7-го числа текущего месяца, что вывеска с гербом консульства Союза ССР в ночь с 6-го на 7-е текущего месяца была сорвана и унесена. Консул проинформировал свое правительство об этом инциденте. Я имел с консулом по этому поводу беседу и смог его убедить в том, что произошедший случай не что иное, как мальчишеская выходка, поскольку вывеска — простой картонный щит — была прикреплена гвоздями на незначительной высоте и могла быть незаметно снята прохожими. Я выразил консулу глубокое сожаление и поручил полицей-президенту начать расследование. О результатах этого расследования я проинформирую, как только такие результаты появятся. Консулу было высказано мною предложение приобрести для консульства прочную вывеску и разместить ее достаточно высоко, чтобы в будущем избежать инцидентов такого рода. Я высказал мнение, что русскому правительству не следует придавать большого значения этому происшествию [13, Nr. E 1988].

В начале мая Э. Зир сообщил консулу Бошковичу, что «проведенное полицей-президентом служебное расследование по выявлению преступника было безрезультатным. Но совершенно очевидно, что в похищении вывески консульства не может быть и речи о политических мотивах» [13, Nr. OP 1453].

Однако одним инцидентом дело не ограничилось, только теперь речь шла о флаге. В соответствии с Консульской конвенцией между СССР и Германией, утвержденной Советом народных комиссаров 8 апреля 1924 г., консульский щит с гербом располагался в служебных помещениях, а на здании консульства, в доме с квартирой консула и на его автомобиле устанавливался советский флаг [17, л. 37]. Новый казус случился вскоре после переезда консульства в центр города, где ему

было отведено несколько помещений в здании «Торгового двора»⁵. Об этом Ю. С. Бошкович сообщил в подробном рапорте полпреду СССР в Берлине Н. Н. Крестинскому и заместителю наркома по иностранным делам М. М. Литвинову 22 января 1925 г.:

Доношу, что в ночь с 21-го на 22-е января с. г. вывешенный нами по случаю годовщины смерти В. И. Ленина и 9-го января 1905 года флаг злоумышленниками был сорван и украден. Подробности этого дерзкого налета следующие:

Согласно телеграмме полпредства, 21-го января с. г. в 17 часов вечера флаг СССР был вывешен нами над зданием, в котором помещается консульство (на высоте приблизительно 3½ метра). Одновременно я по телефону известил местную полицию об этом, прося об охране флага. В ответ было сообщено, что высылаются немедленно два полицейских чиновника.

Вечером, часов около 11-ти, по словам швейцара здания, около подъезда собралась небольшая толпа хулиганов-фашистов, которые громко ругались по адресу СССР. Один из толпы в присутствии полицейских заявил: «Этот флаг сегодня ночью будет убран». Когда швейцар спросил полицейского, почему он допускает такой разговор, не выяснив личности хулигана, полицейский, смеясь, отошел. В 2 часа ночи швейцар услышал шум у подъезда. Выбежал наружу к выходу, но ничего не заметил. При чем флага не стало.

О происшедшем я узнал около часа дня 22-го января с. г. от секретаря консульства т. Серебряного, случайно зашедшего в это время в консульство и заметившего отсутствие флага. О краже флага мною было немедленно сообщено обер-президенту и полицай-президенту, причем был также заявлен протест с требованием немедленного и строгого расследования дела. Со своей стороны должен прибавить, что, по моему убеждению, флаг был сорван не без попустительства полиции, т. к. здание, в котором помещается консульство («Гендельсгоф»), находится в центре города, вблизи самого полицай-президиума, и перед зданием во всякое время имеется полицейский пост. Я считаю, что полицейский не мог бы не заметить людей, срывающих флаг, который был прикреплен на высоте II этажа и для срыва которого, вероятно, была использована лестница [18, л. 73—73 об.].

Консул просил полпреда заявить германскому МИД «энергичный протест».

Представители восточно-прусских властей устно и письменно выразили консулу свое сожаление, а обер-президент Э. Зир прислал официальное письмо с извинениями [18, л. 75—76.]. Он также счел возможным во избежание подобных случаев в будущем в неофициальном порядке порекомендовать консулу «снимать флаг при наступлении темноты» [18, л. 90]. В свою очередь, полпред Крестинский сообщил из Берлина, что германский МИД также выразил свое сожаление, после чего он «счел излишним посылать ноту протеста» [18, л. 74].

⁵ «Handelshof» — здание, где сегодня располагается мэрия Калининграда, было построено в 1923 г. по проекту архитектора Г. Хоппа.

Главные направления деятельности консула Ю. С. Бошковича касались подготовки к открытию отделения торгпредства СССР в Кёнигсберге и обеспечения широкого представительства советских внешне-торговых объединений на Восточной ярмарке. Начавшейся интенсивной работе помешал происшедший в Берлине 3 мая 1924 г. конфликт вокруг советского торгового представительства, когда германская полиция произвела в его помещениях обыски и арестовала 12 служащих этого учреждения по подозрению в подрывной деятельности [19]. В связи с этим германские газеты писали, что торгпредство является «международным питомником преступников» и что в нем «служит половина германской коммунистической партии» [20, с. 5—7]. Двадцать шестого мая было объявлено о закрытии торгпредства, что, по мнению русскоязычной берлинской газеты «Время», стало «равносильно прекращению всех торговых операций между СССР и Германией» [21, с. 2]. В результате вся проделанная Бошковичем работа пошла насмарку, о чем, в частности, проинформировал выходивший в Берлине «Торговый бюллетень»: «Предложенное к открытию Кёнигсбергское отделение Торговой палаты не учреждается» [22, с. 4]. Одновременно СССР отказался от участия в IX Восточной ярмарке, которая проходила 9—12 августа. И хотя к этому времени конфликт в двухсторонних отношениях был исчерпан, кёнигсбергская печать с большим сожалением отмечала отсутствие официального российского павильона на выставке. В последний момент, правда, Ю. С. Бошковичу удалось организовать приезд «представителей некоторых частных русских фирм, преимущественно галантерейных и торгующих аптекарскими и колониальными товарами» [23, с. 7—8], но этого было явно недостаточно.

И все-таки заложенные Ю. С. Бошковичем основы для развития связей Восточной Пруссии с СССР принесли свои плоды уже в следующем году. Советский Союз триумфально выступил на Восточной ярмарке в Кёнигсберге. Газета «Франкфуртер цайтунг» в отчете о ярмарке писала: «Главным пунктом, притягивавшим всеобщее внимание, был Русский отдел, где кроме сырья были выставлены также и изделия промышленности... Наплыв желающих посмотреть русскую выставку был таким большим, что временами допуск посетителей приходилось останавливать» [24].

Ю. С. Бошкович прослужил в Восточной Пруссии в ранге советского консула чуть больше года, 21 марта 1925 г. он сдал дела своему преемнику Е. Д. Кантору [18, л. 90] и покинул Кёнигсберг 14 апреля 1925 г. Перед его отъездом, как сообщалось в отчете вновь назначенного консула, местная хозяйственная и политическая элита устроила Бошковичу прощальный банкет, проходивший под председательством обер-бургомистра Кенигсберга Ганса Ломайера. Характер банкета и произнесенные на нем тосты, по словам Е. Д. Кантора, показали, насколько велик интерес деловых кругов и властей провинции к «делу восстановления прежних экономических связей Восточной Пруссии с СССР» [18, л. 112].

В дальнейшем деятельность первого советского консула в Кёнигсберге Ю. С. Бошковица не была связана с дипломатической службой. В 1930-е гг. он работал в Наркомате внутренней торговли. Последние сведения, которые удалось о нем обнаружить, датируются маем 1941 г. [25, л. 18].

Автор выражает благодарность Германскому историческому институту в Москве за предоставленную возможность работы в архивах, а также коллеге Е. Ю. Чернышеву за содействие в получении копий документов из Политического архива МИД Германии.

Список литературы и источников

1. Устав консульский // Свод законов Российской империи. СПб., 1903. Т. 11. Ч. 2. С. 47.
2. Консулы. СПб., 1904.
3. Вейнер А. П. Консулы в христианских государствах Европы и САСШ. СПб., 1894.
4. Березников В. А. О деятельности консула по отношению к отечественной торговле. СПб., 1900.
5. Горяинов С. М. Руководство для консулов. СПб., 1903.
6. Костяшов Ю. В. Российские консульские учреждения в Восточной Пруссии в конце XIX — начале XX в. // Калининградские архивы. Вып. 2. Калининград, 2000. С. 80—89.
7. Инструкция консулам РСФСР. М., 1921.
8. Лодыжинский А. Инструкция консулам РСФСР // Международная жизнь. 1922. № 16. С. 22—27.
9. Консульский устав СССР. М., 1926.
10. Триус Д. Россия и Германия: русско-германские взаимоотношения за 5 лет // Международная жизнь. 1922. № 15. С. 24—25.
11. Документы внешней политики СССР. М., 1961. Т. 5.
12. *Die Brücke nach dem Osten* // Frankfurter Zeitung. 1922. 26 Aug.
13. *Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes* (Berlin). R 142308. Fremde Konsulate (Russland). 1918—1924.
14. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 3.
15. Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б). Повестки дня заседаний. 1919—1952. М., 2000. Т. 1.
16. Постановление об оплате труда работников в учреждениях СССР за границей. М., 1924.
17. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р 5446. Оп. 5. Д. 235. Л. 37.
18. Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 0165. Оп. 5. П. 126. Д. 159.
19. Русско-германский конфликт (к обыскам и арестам в Советском Торгпредстве) // Время. 1924. 12 мая. С. 1.
20. Из германской печати // Торговый бюллетень: еженедельник торговых представительств СССР в Центральной Европе (далее — Торговый бюллетень). 1924. № 19.
21. *Время*. 1924. 26 мая. С. 2.
22. Некоторые итоги участия СССР в германских ярмарках // Торговый бюллетень. 1924. № 19.

23. *Германская Кенигсбергская ярмарка* // Торговый бюллетень. 1924. №33. С. 7—8.
24. *Deutsche Ostmesse Königsberg* // Frankfurter Zeitung. 1925. 22 Aug.
25. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 5446. Оп. 19. Д.

Об авторе

Юрий Владимирович Костяшов, доктор исторических наук, профессор, Балтийский федеральный университет им. И. Канта.

E-mail: kostyashov55@mail.ru

ON THE ESTABLISHMENT AND EARLY ACTIVITY OF THE SOVIET CONSULATE IN KÖNIGSBERG (1923—1925)

Yu. V. Kostyashov

*Immanuel Kant Baltic Federal University
14, A. Nevski St., Kaliningrad, 236041, Russia*

Received on January 27, 2012

This article analyses the reasons for the restoration of diplomatic relations between Russia and Germany after World War I, as well as the fundamental differences in the performance of Russian imperial and Soviet consular missions in East Prussia. On the basis of earlier unknown documents from the central Russian archives and the Political archive of the Ministry of Foreign Affairs of Germany, the author describes the establishment of the Soviet consulate in Königsberg in 1923 and the contribution of the first consul of the USSR in East Prussia, Yulian Boshkovich, to the development of bilateral connections in 1923—1925. The author considers the adverse political conditions, under which Soviet diplomats were compelled to operate in Germany. The conclusion is that the principal line of Yu. S. Boshkovich's activity concerned preparations for the opening of the USSR trade mission in Königsberg, as well as ensuring strong representation of Soviet foreign trade associations at the Eastern fair.

Key words: East Prussia, Königsberg, consulate, Yu. S. Boshkovich, history of diplomacy, Soviet-German relations, Eastern fair.

References

1. Ustav konsul'skij [Consular Charter], 1903, *Svod zakonov Rossijskoj imperii* [Code of Laws of the Russian Empire], Saint Petersburg, V. 11, Part 2, p. 47.
2. *Konsuly* [Consuls], 1904, Saint Petersburg.
3. Weiner, A. P. 1894, *Konsuly v hristianskih gosudarstvah Evropy i SASSh* [Consuls in the Christian states of Europe and NAUS], Saint Petersburg.
4. Bereznikov, V. A. 1900, *O dejatel'nosti konsula po otnosheniju k otechestvennoj torgovle* [The activities of the consul in relation to domestic trade], Saint Petersburg.
5. Gorjainov, S. M. 1903, *Rukovodstvo dlja konsulov* [Guide to the consuls], Saint Petersburg.

6. Kostyashov, Ju. V. 2000, Rossijskie konsul'skie uchrezhdenija v Vostochnoj Prussii v konce XIX — nachale XX v. [Russian consular offices in East Prussia in the late XIX — early XX century.], *Kaliningradskie arhivy [Kaliningrad archives]*, Vol. 2, Kaliningrad, pp. 80—89.
7. *Instrukcija konsulam RSFSR [Instructions consuls of the RSFSR]*, 1921, Moscow.
8. Lodyzhinsky, A. 1922, Instrukcija konsulam RSFSR [Instructions consuls of the RSFSR], *Mezhdunarodnaja zhizn' [International Affairs]*, no. 16, pp. 22—.
9. *Konsul'skij ustav SSSR [Consular Charter of the USSR]*, 1926, Moscow.
10. Trius, D. 1922, Rossija i Germanija: Russko-germanskije vzaimootnoshenija za 5 let [Russia and Germany: German-Russian relationship for 5 years], *Mezhdunarodnaja zhizn' [International Affairs]*, no. 15, pp. 24—25.
11. *Dokumenty vneshnej politiki SSSR [Documents of Soviet foreign policy]*, 1961, Vol. 5, Moscow.
12. Die Brücke nach dem Osten, 1922, *Frankfurter Zeitung*, 26 Aug.
13. *Politisches Archiv des Auswärtigen Amts (Berlin)*. R 142308. Fremde Konsulate (Russland). 1918—1924.
14. *Rossijskij gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoj istorii [Russian State Archive of Social and Political History]*. F. 17. Op. 3.
15. *Politburo CK RKP(b) — VKP(b). Povestki dnja zasedanij. 1919—1952. [Politburo of the RKP (b) — VKP (b). Agenda meetings. 1919—1952.]*, 2000, Vol. 1, Moscow.
16. *Postanovlenie ob oplate truda rabotnikov v uchrezhdenijah SSSR za granicej [Decision on remuneration of employees in establishments USSR abroad]*, 1924, Moscow.
17. *Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii [State Archives of the Russian Federation]*. F. R 5446. Op. 5. D. 235. L. 37.
18. *Arhiv vneshnej politiki Rossijskoj Federacii [Archive of Foreign Policy of the Russian Federation]*. F. 0165. Op. 5. P. 126. D. 159.
19. Russko-germanskij konflikt (K obyskam i arestam v Sovetskom Torgpredstve) [Russian-German conflict (to searches and arrests in the Soviet trade delegation)], 1924, *Vremja [Time]*, 12 May.
20. Iz germanskogo pečatija [From the German press], 1924, *Torgovyj bjulleten'. Ezhenedel'nik torgovyh predstavitel'stv SSSR v Central'noj Evrope [Trading newsletter. Weekly trade representative of the USSR in Central Europe]*, no. 19, Berlin.
21. *Vremja [Time]*, 1924, 26 May.
22. Nekotorye itogi učastija SSSR v germanskich jarmarkah [Some results of Soviet participation in German trade fairs], 1924, *Torgovyj bjulleten' [Trading newsletter]*, no. 19.
23. Germanskaja Kjonigsbergska ja jarmarka [German Koenigsberg Fair], 1924, *Torgovyj bjulleten' [Trading newsletter]*, no. 33.
24. Deutsche Ostmesse Königsberg, 1925, *Frankfurter Zeitung*, 22 Aug.
25. *Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii [State Archives of the Russian Federation]*. F. 5446. Op. 19. D.

About author

Prof. Yuri V. Kostyashov, Immanuel Kant Baltic Federal University.
E-mail: kostyashov55@mail.ru